

Проворные стражники и евнухи, завершив первичную опись имущества Обоя, подошли к Ли Чаньгэ и Созту с докладом.

— Господа, список всего имущества Обоя готов. Прошу ознакомиться.

Созту развернул книгу записей, округлил глаза и сглотнул слюну.

— Ишь ты! Этот Обой умел нагреть руки, его богатства куда больше, чем я предполагал.

Он отвел Ли Чаньгэ в сторону и, склонившись, зашептал:

— Брат, император поручил нам такое выгодное дело — это же прямой путь к несметным богатствам. Как думаешь, что нам с этим делать?

Ли Чаньгэ не стал брать инициативу на себя, перекладывая решение на Созту — ему вполне хватало роли свадебного генерала.

— Как старший брат решит, так тому и быть.

Созту кивнул, его глаза забегали, и он забормотал себе под нос:

— Дай-ка подумать... В книге значится два миллиона триста пятьдесят три тысячи четыреста восемнадцать лянов серебра. А что, если мы оставим последние цифры, а от первой суммы отнимем единицу? Получится один миллион триста пятьдесят три тысячи четыреста восемнадцать лянов.

— Поделим пополам, как говорится, по-братски. Ну как?

Услышав, какая огромная сумма может оказаться в его руках, Ли Чаньгэ невольно ахнул. Он не ожидал, что аппетиты Созту настолько велики: тот с ходу решил припрятать целый миллион.

— А не слишком ли это жадно?

Созту решил, что парень просто еще не видел жизни и испугался, поэтому поспешил приободрить его:

— Этот миллион мы разделим: тебе половина, мне половина — по пятьсот тысяч на каждого. А потом каждый из нас выделит по пятьдесят тысяч, чтобы заткнуть рты страже и чиновникам. Тогда никто и не догадается.

Ли Чаньгэ сделал вид, что колеблется, но спустя мгновение согласился. Если не он заберет эти

деньги, то их заберет кто-то другой, а он еще и врагов наживет — к чему это? Решив, что в будущем просто будет совершать больше добрых дел, он успокоил свою совесть. Быть честным чиновником непросто, но если представится возможность, он поможет простолюдинам, раздаст милостыню, поддержит сирот и вдов — это будет его посильным вкладом.

С этой мыслью на душе Ли Чанъгэ стало гораздо спокойнее.

Позже, спрятав под одеждой драгоценный доспех, а в сапоге — верный клинок, он взял два тома Четырёхдесятидвухлетних сутр и отправился во дворец с докладом.

Сначала он встретился с Канси. Докладывая об имуществе Обоя, Ли Чанъгэ слегка нервничал, но после короткой беседы передал императору сутры. Канси был вне себя от радости. Его воспитала вдовствующая императрица, которую он почитал как родную мать, поэтому он стремился исполнить любое её желание. Схватив книги, он вместе с Ли Чанъгэ немедленно отправился в павильон Цынин.

Оказавшись там, Ли Чанъгэ вел себя смиренно и скромно. Получив награду от императрицы, он в сопровождении служанки по имени Жуйчу отправился в боковую комнату, где ему подали сладости. Вспомнив судьбу этой девушки из оригинальной истории, Ли Чанъгэ проникся к ней жалостью. Она была совсем юной и наивной, поэтому он взял горсть конфет и протянул ей.

— Это императрица пожаловала вам, а не мне. Я всего лишь слуга, мне нельзя воровать угощение, — сказала Жуйчу, хотя её взгляд был прикован к сладостям.

Ли Чанъгэ легко прочитал её мысли.

— Раз императрица отдала их мне, значит, это теперь моя вещь. Я угощаю тебя тем, что принадлежит мне, так что даже если императрица узнает, она не станет ругаться.

Жуйчу прикрыла рот ладошкой, хихикая:

— Тогда спасибо вам, евнух Гуй.

Вернувшись к себе, Ли Чанъгэ столкнулся с Хай Дафу, который начал расспрашивать о прошедшем дне. Ли Чанъгэ рассказал, что нашел в доме Обоя две сутры и что они уже переданы вдовствующей императрице. Он преследовал свою цель: хотел стравить Хай Дафу с императрицей, чтобы они ослабили друг друга, а затем дождаться удобного момента и избавиться от старого негодяя.

Услышав это, Хай Дафу помрачнел и, погрузившись в свои мысли, подошел к статуе Будды.

— Попали в руки императрицы? Хорошо, очень хорошо!

Ли Чанъгэ уже привык к странностям Хай Дафу, поэтому не удивился.

Сгустились сумерки. Евнух из дворцовой кухни принес ужин, но Хай Дафу не притронулся к еде. Он уставился на Ли Чанъгэ своими пустыми, безжизненными глазами, отчего того пробрала дрожь. Ли Чанъгэ через силу проглотил пару кусков, но аппетит пропал.

— Ешь побольше, — проговорил Хай Дафу, чье болезненное лицо, казалось, уже источало дыхание смерти. — Чтобы на том свете не стать голодным призраком.

Ли Чанъгэ насторожился и незаметно отодвинулся.

— Хе-хе, ты смел, внимателен, умен и прилежен в боевых искусствах. Ты был бы отличным учеником, но, увы, увы...

Ли Чанъгэ глубоко вздохнул и, отбросив притворство, холодно спросил:

— К чему это ты?

Хай Дафу мгновенно оказался перед ним.

— Твой столичный выговор стал таким естественным. Если бы ты так заговорил еще несколько месяцев назад, тебя было бы не распознать. Ты обманул меня, притворившись Сяо Гуйцзы, и, заручившись поддержкой императора, мог бы достичь многого. Но, увы, жить тебе осталось недолго!

Хай Дафу довольно рассмеялся и закашлялся, жалея лишь о том, что не может видеть страха на лице мальчишки.

— Отвечай честно: кто тебя послал? Зачем ты ослепил меня и пробрался ко мне в услужение?

Ли Чанъгэ закатил глаза.

— Ты полуживой старый евнух, чем ты можешь быть интересен? Это просто случайность.

Видя, что Ли Чанъгэ упорствует, Хай Дафу зловеще прошептал:

— Сделай глубокий вдох и сильно надави на три цуня левее пупка.

Ли Чанъгэ знал, что еда отравлена, но яд обычно был в супе, который он каждый раз заменял водой из целебного источника. Он надеялся, что доза яда была незначительной. Следуя указанию, он задрал одежду и надавил на живот. Боли почти не было — лишь легкое

покалывание. Ли Чанъгэ обрадовался: неужели ежедневное употребление целебной воды нейтрализовало яд? А если так, то насколько мощным должен быть эликсир, созданный из концентрата этой воды?

Сейчас было не время для экспериментов. Подавив волнение, он решил, что покончить с Хай Дафу важнее.

— Ха, ты правда думал, что я не заметил, как ты подсыпашь яд в еду?

Хай Дафу, не услышав стоны боли, почувствовал неладное. Он был слеп, но не глух, и, постоянно контролируя мальчишку, не мог поверить, что тот избежал отравления.

— Этот яд — мой собственный рецепт, кроме меня никто не знает противоядия. Ты отравлен лишь слегка, но рано или поздно яд подействует, и тогда ты страдаешься вдоволь.

Хай Дафу насмешливо смотрел на него пустыми глазами, думая, что парень просто хорохорится, а внутри дрожит от страха. Стоит лишь немного надавить, и он будет умолять о пощаде.

Однако, к его удивлению, Ли Чанъгэ ответил без страха:

— Брось! Я с самого начала знал о твоём яде. Как я мог быть настолько беспечным и есть то, что ты приготовил?

Хай Дафу опешил от ярости. Его левая рука вцепилась в край деревянного стола, и от мощного сжатия щепы с хрустом превратилась в пыль.

Пользуясь замешательством старика, Ли Чанъгэ выхватил из сапога острый кинжал. Лезвие блеснуло холодным светом. Крепко сжав рукоять, Ли Чанъгэ с решимостью вонзил нож прямо в область сердца Хай Дафу.

Кинжал описал в воздухе смертоносную дугу. Почувствовав приближение холода, Хай Дафу нахмурился, слегка подался в сторону и нанес ответный удар ладонью.

Ли Чанъгэ понимал, что не ровня мастеру, поэтому не рассчитывал на один лишь колющий удар — он резко изменил траекторию, превращая движение в горизонтальный взмах.

Ладонь Хай Дафу столкнулась с острием клинка. Раздался глухой удар, и Ли Чанъгэ отлетел назад, разбив деревянное окно.

В то же время правая рука Хай Дафу задрожала, и на пол закапала кровь — на ладони зияла глубокая рана, доходившая до кости. Он не ожидал, что у мальчишки окажется столь грозное

оружие. Если бы не его обостренный слух и глубокая внутренняя энергия, которую он успел направить в ладонь, кинжал отсек бы ему всю кисть.

<http://bllate.org/book/19451/1907802>